

КАРИБЫ ЛАЙТ

Инга Леровая

18+

Инга Лерова
Карибы Лайт

«Автор»

2026

Лерова И.

Карибы Лайт / И. Лерова — «Автор», 2026

У служебных романов есть свои сложности и порой приходится путешествовать в одиночку. Отправляясь на отдых в глухое местечко, Микаэла надеялась на безмятежное времяпровождение. Но ее затворничество и покой бесцеремонно нарушает незнакомец. И милая кошечка Мика превращается в охотницу на тигра. В книге есть:- искательница семейного клада- таинственный незнакомец- тайны прошлого- романтика и приключения

© Лерова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Инга Лерова

Карибы Лайт

Глава первая

– Мика, девочка моя чудесная, милая моя крошка, – Павел Евгеньевич Кротов, директор инвестиционно-строительной компании и по совместительству мой любовник, нарезал вокруг меня круги, касался моих плеч, груди, ягодиц, и умилялся. – Звезда моего сердца. Полет моей души. Сладкая клубничка.

– Павел Евгеньевич, мы на работе, – прервала я поток ненужных слов, стараясь не показывать, как меня бесят эти нежности и сюсюканья. Мужу за пятьдесят.

– Да, да, Микаэла Робертовна, мы на работе. Но как же удержаться, красота неземная?

– Есть для меня поручение? Важное?

Я, правда, очень милая. Реально и конкретно. Милая от кончиков длинных, ниже талии, выходящих волос, теплого, светло-каштанового оттенка, до выразительных голубых глаз, аккуратного носика и пухлых губ. Кукольное личико, точеная фигурка, наивный взгляд из-под густых ресниц вместе создавали убойной силы милоту. Хотя называть меня крошкой было, конечно, глупо.

Мне исполнилось двадцать пять, я закончила физфак университета, но больше двадцати никто мне не давал, как и никто не верил в мое высшее, серьезное образование. Зачем кукле образование? Только портить. Оформлена я была на работе секретарем-референтом, на деле – украшала собой офис за вменяемую зарплату с регулярными повышенными премиями из директорского фонда.

Познакомились мы с Кротовым на модной выставке современных, тоже модных, художников. Павел Евгеньевич считал, что фантастически удачно сложились пазлы и проявилась воля случая. Я же точно знала, что случайным мое решение посетить выставку не было. Я искала себе папика, покровителя и нашла. Зрелого, еще не развалину и довольного щедрого по нынешним временам.

Кроме милой внешности, я обладала синтетическим складом ума, была изворотливой, нахальной и циничной оптимисткой, а, следовательно, с большим успехом могла прикидываться наивной и капризной девочкой, которую незаслуженно обидели злые люди на старте карьеры. Не я такая бестолковая уродилась, мне просто не повезло, жизнь подставила подножку. Поймите меня и полюбите деньгами.

Как еще распорядиться тем, что так щедро отсыпала мне природа? Путь содержанки не самый уважаемый и порой обременительный, но не настолько тяжелый, как путь амбициозной и зубастой карьеристки, которой приходилось не одного мужика обласкивать, а всех, кто мог помочь. Поэтому делать карьеру мне показалось неадекватно сложным и мало результативным. В плане денег и уважения.

В целом, я жила в свое удовольствие. Мало чем мой досуг отличался от досуга девочек обеспеченных родителей. Одевалась в бутиках, ездила по заграницам, одна и с Кротовым, посещала статусные мероприятия и научилась прилично кататься на горных лыжах. Папика не огорчала и он меня, по возможности, не огорчал. Если досадные накладки случались, я умела держать лицо.

Звездой своего сердца Павел Евгеньевич называл меня редко, по особым поводам, и я поморщилась, потому что намечались неприятности. Не особенно злостные, но суетливые. Наш служебный роман длился почти год и я выучила все взаимосвязи между выражениями

любовника и последствиями. Мне предстояло уйти, как минимум, в отпуск на неопределенное время. Исчезнуть с радаров.

– Ты устала, моя девочка, я же вижу, – щебетал Павел Евгеньевич и так вздыхал, словно я вот-вот упаду в обморок от истощения, физического и психического. – Тебе нужно отдохнуть, понежиться на солнышке.

– Мы поедем вместе, я надеюсь? – ответ я предвидела, но этот вопрос входил в список обязательных и я его задала.

– Я был бы рад, моя драгоценная крошка, я мечтаю об этом, только ты, я и пляж, но у меня собрание акционеров.

– Нууу, – я смастерила расстроенное личико.

Все мне стало ясно. Приезжает жена Кротова из Лондона и в офис обязательно наведется. Наверняка она знала обо мне, но знать и столкнуться носами прилюдно, это катастрофически неприятная разница. Кротов берег свой авторитет и попутно защищал наши, мой и жены. Покапризничав для вида, свои деньги я отработывала честно, я согласилась отдохнуть одна.

– Как долго мы не увидимся, Павел Евгеньевич?

– Парочку неделек, Мика. Всего парочку неделек.

– Но только парочку, – проворковала я. Где парочка, там и две парочки. В общем, месяц отдыха мне обеспечен. – Поеду-ка я на мои Карибы. Там никого, буду плавать, загорать голышом, есть здоровую еду и читать умные книжки.

– Там с прошлого года ничего не изменилось, Мика. Захолустье. Дурацкие хижины. И не дозвониться. Может лучше Доминикана? Мальдивы? Сейшелы?

– Не лучше.

– Турция близко. Мика, подумай!

– Подумала. Мне Карибы нравятся. Лайтовый вариант.

Мне, правда, нравилась деревушка недалеко от Геленджика. Даже не деревушка, а несколько заброшенных хижин, вполне крепких, на песчаном морском берегу. Кротов купил эту землю с моей подачи, но ничего еще не построил новомодного. Море прямо под окнами, пальмы, шикарный пляж. Шутливое название Карибы Лайт я сама придумала. Мы летали туда, когда заключали сделку.

– Мика, – горестно простонал Павел Евгеньевич. – Я провинился, понимаю, но это слишком жестокое наказание не видеть и не слышать тебя так долго.

– Значит, быстрее разберешься с делами и приедешь за мной, – умильно улыбнулась я.

В бухгалтерии меня, естественно, ждали ехидные улыбочки, но они превратились в раскаты, когда я положила на стол приказ о командировке. Эти примитивные тетеньки надумали себе, что я тихо уплыву в неоплачиваемый отпуск. С какой стати? Я еду с проверкой нашего актива. Прежде чем размахивать инвестициями, необходимо все взвесить и просчитать.

– Удачного отдыха, – все-таки съязвила Татьяна. Мы с ней устроились на работу одновременно, но она пчелка с туманными перспективами вырасти лет через десять в главбуху, а я кошечка, гуляющая сама по себе. И по большому счету, захоти я завтра стать этим самым главбухом, я бы им стала.

– Я еду работать, – жестко оборвала я Татьяну. – А некоторые кривоязыковатые в наш новый санаторий попадут в сто двадцать пятую очередь. Если вообще попадут.

– Мика, ты чего?

– Микаэла Робертовна!

Стычка раззадорила и я прошлась по этажам и кабинетам, надеясь еще кому-нибудь укоротить языки. Желающих пошутить на тему моего внезапного отпуска больше не нашлось. Похвально. Я вернулась в кабинет, расположенный напротив кабинета Кротова, неторопливо покидала в сумку разные мелочи, купила билет на ночной самолет и с чистой совестью покинула рабочее место.

Вовремя смыться это исключительно полезное умение. Выруливая с парковки, я заметила подъезжающую к офису незнакомую машину. Из нее выбралась жена Кротова, Людмила. Я ее узнала, видела на фотографиях с разных заседаний. Специально пошарилась в компьютере Кротова. Собрание акционеров, похоже, перенесли на более раннее время. Не этому ли радовалась Татьяна?

Людмила была ненамного старше меня, если судить по паспорту. Тридцать два года. Всего семь лет разницы. Просто гены подкачали. Выглядела она на все сорок пять. Наверняка считала, что ухватила за хвост Жар-птицу, когда обменялась кольцами с Кротовым на выездной регистрации и кинула букет в толпу завистливых подруг. Свадебные фотографии я тоже внимательно изучила.

Жар-птицы имеют свойство превращаться в облезлых, бесхвостых куриц. Которых безжалостно выгоняют из курятника, чтобы завести новых цыпочек. Людмила Кротова, скорей всего, об этом пока не думала. А я думала. По причине врожденного оптимизма и успешно приобретенного цинизма. Интуиция меня никогда не подводила. Я даже могла назвать примерную дату ее куриного фиаско.

Покружив по городу, мне захотелось проститься с любимыми местечками особенно красивыми ранней осенью, я приткнула машину под окнами Альки, моей закадычной подружки по университету. В отличие от меня, Алька с огромным аппетитом грызла гранит науки. Год назад я Альке завидовала, а сейчас уже нет. В институте теплофизики такие возможности, как сейчас у меня, мне бы не предоставили.

– Элька! – Алька мне обрадовалась. Искренне. Только ей сейчас разрешалось звать меня детским именем. В универе мы были две неразлучные белоголовые ромашки Элька и Алька. Так нас в общаге дразнили. – Тебя уволили? Или просто с работы сбежала?

– Ни то, ни другое. Такие специалисты, как я, с годами только ценнее становятся. Выдержаннее.

– Оставь эти намеки на горячительный напиток. Для приличной коньячной выдержки ты неприлично юно выглядишь. Как тебе удастся? – Алька ущипнула себя за бок. – Не ем ничего, а толстею.

– Ничего? – я по-доброму покосилась на вазу с печеньками. – Найдем предел, используя эквивалентные бесконечно малые функции?

– Котюра язвительная. Я выше пределов.

– Аль, машину тебе оставляю. Катайся.

– А сама? – Алька нахмурилась. – Что-то случилось?

– Отдыхать еду. На море. В глухую глушь. Хочешь со мной? Вернешься как шоколадка. Твои лысые профессора захлебнутся слюной.

– У меня предзащита, ты же знаешь.

– И зачем она? Если ты от нее толстеешь.

– Элька! Замолчи сейчас же. Без тебя найдется кому потоптаться на моих ценностях. Садись чай пить. Разрешаю тебе тот самый предел съесть, которым ты меня попрекала.

– То есть одну печеньку?

– Между прочим, про тебя Андрей спрашивал. Где да что?

– Андрей? Ситников? И что ты ему сказала? – Андрей был нашим однокурсником, пытался дружить, а по сути ухаживал за мной в универе, но я его любовь-дружбу отвергла.

– Правду, разумеется. Что ты занимаешься строительными инвестициями. В гигантских объемах. Такие бывают?

– Пусть будут. Ими и занимаюсь. В полный рост, – я прищурилась. – Что-то еще? Аль, ну говори уже, не мнись, как первоклашка.

– Ты, конечно, скажешь, что у меня опять паранойя, но мне показалось, что Андрей не просто так спрашивал. В смысле, не для себя.

- Откуда такие выводы? На чем основаны?
- Если для себя, то обычно просят телефон и все. А он дотошно выяснял, где работаешь, с кем дружишь, часто ли мы с тобой видимся. Звонил он тебе?
- Нет.
- Вот. Явно не хотел, чтобы ты знала, что он тобой интересуется.
- Сыщичное дело много потеряло в твоём лице, Алька. Бросай физику, иди в частный сыск.
- Одной предательницы науки хватит в нашем тандеме. Эль, ну правда, зачем летишь одна? Или надеешься кого-то там подцепить? Папик твой озверевает.
- Обещаю подумать на досуге, на кого Андрей согласился работать. Чужую ставку всегда можно перебить. Эта публика на деньги падкая.
- Ты не такая, Элька, чтобы все про деньги.
- Именно такая.
- Разговоры подобного толка мы с Алькой вели часто, давно наши битвы превратились в имитацию. Есть такая борьба. Капоэйра. Бойцы красиво двигаются, совершают маневры и захваты, демонстрируют хитрость и стратегию, а результата нет. Процесс важнее. Заиграться я и сама опасалась. Потерять цель, действительно, легко. Еще и поэтому я выбрала хижину на черноморском побережье вместо пятизвездника в Доминикане.
- Сначала человек выбирает, как ему кажется, выигрышную роль, а потом роль начинает управлять человеком. Маски имеют свойство прилипать намертво. Об этом подумай на досуге, Микаэла Робертовна. И найди себе нормального парня.
- Слушаю и повинуюсь, Алевтина Юрьевна! – по-пионерски отсалютовала я. Алька многое обо мне знала, включая мою родовую историю, но, конечно, не все. – Ты тоже найди себе нормального парня.
- Дура я, что ли? Ты его мгновенно отобьешь.
- Андрея я не отбивала. Наоборот, послала. Он тебя не достоин.
- Тогда найди мне достойного.
- Я найди?
- А кто? Не я же, – Алька глубокомысленно поправила очки. – В библиотеках достойных сроду не было. Одни очкарики с мамами за спиной.
- И крыть нечем, – засмеялась я.
- Домой я решила не заезжать. Наряды для светских раутов не нужны, в глухомань еду. А отпускной гардероб для дикарки хранился у подруги. Еще с тех пор, когда мы с Алькой слонялись по турбазам и кемпингам, объехали почти всю страну. От Калининграда до Байкала. Я с легкой душой покидала в облезлый чемодан шорты, майки и легкие сарафаны. Если вещей не хватит, куплю на месте.
- Давай я тебя отвезу в аэропорт, – Алька бродила за мной хвостиком.
- Не надо. Спать ложись. И с утра за цифры!
- Совсем-совсем там связи нет? Это плохо. Сама рассказывала, убогие домишки. А ты к комфорту привыкла. К туалетной бумаге с запахом персика. К тому, что бабло рулит.
- Не убогие, просто заброшенные. Как раз для меня.
- А если там бомжи живут?
- Пожалуюсь участковому.
- Элька!
- Буду в деревню наведываться и сообщения тебе отправлять. Всего-то пять километров в один конец.
- И фотографии!
- Слушаюсь!
- Если бы собака хотя бы с тобой жила.

– Перестань. Какая собака? Куда ее потом?

– У меня газовый баллончик есть. Дать?

– Алька, меня с баллончиком в самолет не пустят.

– Тогда на месте купи.

– Куплю, – серьезно пообещала я Альке, которая почему-то испугалась за меня. – И автомат. И эти, как их, нунчаки.

– Не ездила бы ты туда. Можно же на дачу. Еще тепло. Или в деревню. Повидаешь мою бабушку. Я и без машины обойдусь.

– Все, мне пора, – отмахнулась я от дурацких предложений.

Можно подумать, на даче я буду одна. Там безумный народ азартно собирает урожай. В деревню к Алькиной бабушке, тем более, глупо ехать. Хотя Варвара Степановна прикольная старушенция в кружевном беретике. Но соблазн для Кротова навестить меня будет велик. А вздумай Кротов меня отыскать на даче, вся моя легенда про миленькую дурочку затрещит по швам.

– Перо тебе в зад, – пожелала мне на прощание Алька. – Для скорости.

– И тебе ни пуха с диссером.

Таксист попался разговорчивый, пришлось наврать, что встречаю в аэропорту родителей. Две косы еще убавили мне лет и дядька проявил неуместную заботу. Из-за Альки, чтобы ей не развлекать меня вместо сна, приехала рано, слонялась по магазинчикам, тискала мягкие игрушки, медведей и собачек, нюхала парфюм, бездумно листала книжки.

За мной наблюдали, я это почувствовала. Кротов решил проверить, улетела или нет? Не похоже на него. Он бы открыто приставил охранника. Да и не до меня ему сейчас. Выгуливает законную супругу и ублажает акционеров. Ни разу не позвонил звезде сердца и сладкой клубничке. И я не стала звонить. Зачем плевать в колодец, я из него пью.

– Привет, – я вздрогнула, когда чья-то рука легла на мое плечо. – Еле узнал. Полчаса уже за тобой хожу.

– Андрей?

– Он самый, – Андрей улыбался и руку на моем плече оставил. – Я в командировку лечу. В Москву. А ты?

– На море.

– Завидую. А куда?

– В Геленджик, – скрывать смешно, вот-вот мой рейс объявят.

– Почему не в Турцию?

– Была там.

– А в Геленджике не была? Что там красивого?

– Набережная.

Объявили посадку на мой рейс и я вывернулась из-под руки Андрея. Хуже нет, когда и поговорить не о чем, и уйти неловко. Очередь на посадку двигалась бойко, пассажирам не терпелось попасть в самолет. Подавая билет, я незаметно оглянулась. Андрей уже говорил с кем-то по телефону. Алька, похоже, не ошиблась, Андрей меня искал неспроста. Кто-то его попросил об этом.

В полете я отлично выпалась. Меня встречали на старенькой шестерке тетя Маруся и дядя Коля Шипиловы. Они просили так себя называть, чтобы подчеркнуть наше несуществующее родство. Своих детей у них не было, а меня они еще в прошлый приезд полюбили и постоянно приглашали в гости. В Геленджике Шипиловы имели квартиру, летом ее сдавали отдыхающим, а сами жили в деревне.

– Не дело это, – сразу возмутился дядя Коля. – Как ты одна, Мика? Живи у нас. Места хватит. Верхний этаж тебе отдадим, командуй.

– Территория ведь огорожена. Я хочу одна.

- Забор, конечно, капитальный. И ворота камазом не пробьешь, только по берегу запросто на территорию можно попасть. За каждой мелочью придется в деревню бегать.
- Побегая. С меня подруга все равно фотоотчеты стрясла.

Глава вторая

Пока мы ехали до деревни, разговор крутился только о месте моих ночевок. Я уперлась как носорог, отстаивая свое право жить на берегу в хижине. Трудно объяснить людям, живущим простой, естественной жизнью, что год притворства требует хотя бы месяца тишины и безлюдья. Суть моих отношений с Кротовым участливые Шипиловы не понимали. И привыкли быть на глазах друг у друга.

– Давай, мы с тобой поживем, – предложила тетя Маруся. – Там же несколько хижин.

– Не надо, пожалуйста. Излишнее беспокойство. Никакой необходимости нет в вашем подвиге. У вас сад, огород, куры, торговля на рынке, отдыхающие. Это же требует присмотра. Будете меня навещать по мере возможности, а я вас. Достаточно. Раз в неделю мутим шашлычки. Или рыбку коптим. Лады?

– Там все сгнило, Мика.

– Не верю. Пара хижин точно в приличном состоянии. А остальное мне без надобности. Да и две уже богатство. Одной за глаза.

– В хижине спать все равно что на песке под пальмой.

– Так я этого и хочу. Шум волн, закаты, звезды.

– Черныша возьми себе, – вздохнула тетя Маруся, поняв, что меня не свернуть с пути.

– От него толку все равно никакого, пустообрех. Кур гоняет, зараза. Яйца наловчился жрать прямо из гнезд. Тебе поговорить будет с кем.

– Возьму, – закивала я как китайский болванчик. Успокою Альку, собака меня будет охранять. Черныш был здоровенным, лохматым псом, вид имел устрашающий, а характер трусоватый. Потому лаял оглушительно, обычно вслед.

– В дом только не пускай его. Не балуй. Пусть под крыльцом живет.

– Не пущу.

– Ох, Мика. Прознают парни наши, что ты там одна, и Черныш не поможет.

– А вы не говорите никому, что я одна. Я с мужиком приехала. С любовником. Он пока в Геленджике остался.

– Мика! Какой может быть любовник у незамужней девушки?

– А что такого? Если сказать, что с мужем, кинутся отбивать. А с любовником прокатит. Хотя, зачем огород городить. На курорт каждая первая одна приезжает, чтобы здесь любовника найти. Редко со своим самоваром. И я как будто бы нашла. Местного и ревнивого. По-моему, отличная идея. Разве нет?

– Разве да, – согласился дядя Коля с моими доводами. – Соседского парня можно за любовника выдать. Серегу.

– Серегу не надо. Никого не надо. Любовник липовый.

– Серега смирный, работающий, жениться не планирует. И продукты поможет таскать. Кулаки как гири. Кузнецом работает.

– Дядь Коля. Это ж классика, кузнец нам не нужен.

– Пару дней на луну повоешь и кузнец сойдет. Или ты в монастырь собралась?

– Монастырь это хорошо. Монашки обет безбрачия дают, – разговор съехал в правильную сторону и спутников мне навязывать перестали.

Несмотря на отчаянные протесты, не люблю я обременять собой людей, меня, конечно же, сопровождали. После обеда из пяти блюд мы поползли как три муравьишки на берег, под завязку нагруженные продуктами, постельным бельем, занавесками, посудой, туалетными принадлежностями. Черныш бежал налегке, облаивал птиц и больше всех радовался приключению.

Ворчание моих заботливых друзей я слушала вполуха. Оно меня никак не задевало, а еще и подзадоривало. Почему это я не справлюсь с жизнью Робинзона? Вернее, Робинзонихи. Только потому, что имею милую внешность, вежливые манеры и привыкла к комфорту? Легко справлюсь. Буду щеголять без одежды, чтобы не было белых пятен на теле. Могу даже поклонный крест поставить. Для крутого имиджа отшельницы.

Любое слово поперек на меня действовало как ведро бензина в костер. Я сразу выстраивала внутри себя заградительные барьеры и тогда чувствовала себя защищенной. Неудобства в быту это ерунда, а вот кузнец Серега с кулаками как гири под моим боком это серьезно. Я и сама могу со всем справиться. На луну выть не придется. Дяде Коле, естественно, я этого говорить не стала.

Хижины, как я и предполагала, оказались вполне пригодными для жилья. Взяла себе ту, что побольше. Не из-за размеров, в ней просто валялось меньше вещей от бывших и кратковременных хозяев. На стенах не висело больших застекленных рамок с десятком выцветших фотографий, в деревне такое уважали, а в шкафах, сколоченных на скорую руку, были пустые полки. И на чердаке стояло только старое кресло.

Вечерами я планировала сидеть на ступеньках крыльца с бокалом вина и смотреть на закаты. А хлам в виде досок и ненужных мне деревянных поддонов сжечь на костре. Для полной курортной атмосферы мы накидали на крыши хижин пальмовых веток. Чем не Сейшелы, спросила я себя. И ответила, что в сто раз круче. Главное, я не стану заморачиваться тем, что надеть, что сказать и как там карьера.

Из второй хижины мы притащили панцирную кровать и я попрыгала на ней как на батуте. Матрас пока сойдет надувной. Спальня получилась довольно уютной, благодаря стараниям тети Маруси. Занавески, салфеточки на тумбочках и покрывало на кровати между собой не сочетались, но забавная эклектика мне понравилась. Дядя Коля умудрился наладить водопровод. Скважина имелась на задворках участка, но я вряд ли обнаружила ее в пальмовых зарослях.

– Идите домой, стемнеет скоро, – пришлось насильно выпроваживать помощников. – Остальное я сама доделаю. Чем-то мне надо заниматься.

– Завтра сделаем тебе сигнальную систему, – пообещал дядя Коля напоследок.

– У нас есть завтра, послезавтра и еще куча дней.

Мое первое утро на берегу моря началось сказочно. А утро определяет день. Я спала крепко, не думая о том, что одна в доме, что замок плевый, что могут нагрянуть нежеланные гости, что зря я все это затеяла. Отпуск обещал быть по-настоящему отпуском, а не продолжением работы. Я потягивалась и рычала, дразня Черныша. Он, конечно же, улегся в доме, у моей кровати.

– Чем мы будем заниматься сегодня? – спросила я пса. – Ничем? Правильно! Не забудь, ты должен молчать о том, что я разрешила тебе тут околачиваться.

– Вау, – зевнул Черныш, соглашаясь со всеми моими невысказанными доводами.

– На зарядку становись! – завопила я. Настроение было как в детстве, озорное, смешливое. Под собственное залихватское пение я попрыгала, отжалась двадцать раз и помахала руками и ногами. – Гулять, Черныш. Сначала воздушные ванны. Потом завтрак. Свобода и безделье наш девиз!

О маршруте прогулки у нас с Чернышом мнения резко разошлись. Он рванул в пальмовые заросли, я застыла на берегу. Солнце только-только вставало над морем. Сине-бирюзовая вода с мелкими белыми бурунчиками, сколько хватало глаз, и ни души кругом. Я задохнулась от восторга. Какая я молодец, что выбрала не Турцию и не Доминикану, а мои персональные Карибы Лайт.

Прогуляться бы по кромке моря босичком и голышом. Дышать во всю мощь легких, вопить во все горло. Ловить солнце и ветер. А волны будут ловить меня, хватать за лодыжки

и тащить в море. Но в макушку клюнула строгая мысль: не стоит бросаться с места в карьер. Правильнее провести разведку. Куда мне вообще торопиться? Все дела за час переделаю и пыхти потом, чем время занять?

Ступни не привыкли к мелкой гальке и песку, я шла осторожно, смотрела под ноги. Если острый камешек все же попадался, замирала как цапля на одной ноге. Пришлось договориться с собой, что каждый шаг убирает из головы мысли о работе, Кротове, его жене. Совесть меня не мучила. Не со мной, так с другой бы клубничкой Кротов стал изменять жене. И про Андрея не надо думать. Не полетит же он за мной в Геленджик. Даже про Альку не стану думать.

Что было и что будет, не так уж важно. Нет страхов, сомнений, обязательств и прочей ерунды. Жизнь проста, приятна и предсказуема. Как этот мягкий песок. Я все могу. Как эти настырные волны. Мне плевать на всех. Как этому горячему солнцу. Я делаю, что хочу. Как озорной ветер. Я счастлива. Как Черныш. Наконец-то, я почувствовала себя беззаботной Афродитой, только что родившейся из пены.

Правильный настрой дает вдохновение и веру в свою удачу. Я шагала вдоль кромки моря, подставляла лицо солнцу и впечатывала в мокрый песок босые пятки. Не заметила как отмахала пять километров. Поняла, что, далеко забрела, когда увидела бетонный забор, огораживающий территорию. Забор заходил в море метров на десять, но дядя Коля прав, проникнуть морем ко мне можно.

За забором находились чужие владения и я повернула назад. Тетя Маруся наверняка уже пилит дядю Колю, требуя похода ко мне. Надо же обязательно проверить, как деточка устроилась, хорошо ли выпалась. Если меня не окажется поблизости от дома, могут и тревогу поднять. Вздвигнут полдеревни на мои поиски. И заодно сделают меня видимой для всех.

Бороться с заботой можно только скукой. Пару-тройку раз прибегают, убедятся, что я лежу бревном и ничего интересного не происходит, и переключатся на свои дела. Сад, огород, рынок. А я тогда займусь своими делами. Которые мне бы не хотелось светить даже хорошим людям. Тем более, что в успехе я не уверена на сто процентов. Пока задача простая, стать частью пейзажа.

Жару приглушил налетевший внезапно холодный ветер. Сорвал с головы бейсболку, накинулся на мои волосы, то задирал юбку до ушей, то плотно закручивал подол вокруг бедер. С такой силой толкал меня в грудь, что трудно стало идти. Я грозила ветру кулаком и смеялась. И орала что-то про бурю, которая грянет. А я сильнее бури. Надо только спасти мой головной убор.

– Черныш! Взять! – плевать этому псу было на мои команды. Взял на меня из-за пальмы и не двигался с места. – Зараза трусливая!

Я побежала в море, но не успела схватить бейсболку, ее утащило на глубину. Под водой невдалеке мелькнула тень. Большая рыба? Дельфин? Против такого соседства я не буду протестовать. Я царица природы и этих мест, у меня должны быть подданные. Словно в наказание за гордыню, я запнулась о камень, не заметив его под водой, и упала на колени. Еле успела подставить руки, а то бы зарылась носом в песок.

Прорывав что-то неприлично-ругательное, я подняла голову и опешила. Прямо передо мной, буквально в двадцати метрах, из моря выходил парень. Темные, волнистые волосы, легкая щетина и солнцезащитные очки. Отчаянный, не побоялся, что волной модные очки смоем. Сначала из воды показались шея и сильные плечи. На шее болталось шаманское украшение из бусин и плетеных шнурков.

Капли стекали по гладкой коже, словно облизывали стройную фигуру. Литая грудь, подтянутый живот, мускулистые руки, выпуклые ягодицы, идеально ровный загар. Ни единого белого пятнышка на теле, ни единого волоска. До меня не сразу дошло, что парень купался голым. То же мне, нашелся Аполлон Афродитович. Я разозлилась, потому что это я должна была выйти из морской пены, а не этот нахал. Украл мою мечту.

Море не хотело отдавать парня суше. Волны налетали на него одна за другой и пытались утащить назад, били в спину и ластились у ног как игривые котята. Парень не поддавался на морское кокетство, не обращал внимания на ласку, шел как по бульвару, не торопясь, но и не замедляя шаг. У кромки прибоя повернулся к морю и сорвал с шеи шнурок с бусинами, зашвырнул их далеко, словно откупился.

Я нервно сглотнула, не понимая, откуда взялся этот красавчик. Не мог же он переплыть море? Хотя на турка или болгарина смахивал. Парень и не взглянул меня, глупо стоявшую на четвереньках, не удостоил даже мимолетным взглядом. Наклонился за полотенцем, лежащим неподалеку, промокнул волосы. Поленившись одеться, парень потянулся, раскинув руки в стороны, и начал подниматься по песку наверх, к хижинам.

Он здесь поселился? В соседней хижине? Как такое могло случиться? Меня не было у хижин какой-то час. Кто это вообще? Я пялилась на загорелую спину, крепкие ягодички и мощные плечи, и потихоньку приходила в себя. Осознав ситуацию, я рывком подскочила и ринулась за парнем. Это моя территория! Только моя! Нечего здесь щеголять мускулатурой и загаром.

Я не решилась гулять голышом в первый же день, не искупалась и не возродилась, а этот... Выгнать нахала. Немедленно! Компанейский Черныш обрадовался моим прыжкам, подбежал ко мне и залаял, а парень все равно не оглянулся. Ясно, что нарочно испытывал мое любопытство и терпение. Я не успела его догнать, он скрылся в хижине. Вчера мне эта хижина не понравилась, а сейчас я почувствовала себя обделенной.

– Мика! – вот же черт, мои добрые деревенские почти родственники, опять нагруженные как муравьи, пробирались между пальм. – А мы к тебе!

– Я вижу, – вяло улыбнулась я. За дядей Колей и тетей Марусей топал рослый парень с двумя сумками в руках и рюкзаком за спиной. Наверняка Серега. Который как будто бы не хотел жениться.

– Вырвались на денек, – радостно доложила тетя Маруся. – Позагорать. А Серега хотел с ночевкой. У него завтра выходной.

– Та хижина свободна, – ткнула я пальцем во вторую хижину. Парень мне отпуск подпортил, я ему тоже... окажу услугу. – Располагайся.

– А мы на бережку, – дядя Коля сноровисто расстелил два покрывала, сверху положил клеенку и начал выкладывать припасы. Домашние котлеты, огурцы и хлеб. – Вино домашнее. Приезд-то не отметили. Отпуск не заладится.

– Точно, – кивнула я. Вот, оказывается, в чем причина неожиданных гостей.

– Садись, Мика. Не завтракала же, – тетя Маруся расположилась с удобством на покрывале и дернула меня руку. – Серега пока устроится. Не будем его ждать.

– Не будем, – поддакнула я, хотя очень даже ждала, как Серега с наглым парнем разругаются. Тот красавчик себе на уме и явно не коллективист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.